

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 21-го Сентября 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9492.

БЕЗРАБОТНЫЕ.

Очерки жизни.

I.

Уже много мѣсяцевъ томила меня тоска вынужденного бездѣствія; медленно ползли печальные, смутные дни. Я истомился въ поискахъ труда, но тщетно; черные волны суповой судьбы гнали меня прочь отъ берега, противъ теченія; я плылъ, задыхался отъ усталости и все искалъ берега, но онъ уходилъ далеко, далеко въ сѣрый туманъ безнадежности и отчаянія... Были моменты, когда я, молодой, сильный, энергичный, готовъ былъ умереть, но слабый лучъ надежды мерцалъ мнѣ между гребней бѣшеныхъ волнъ, и я напрягалъ послѣднія силы и плылъ... Судьба бросила меня въ море жизни неприспособленного, неподготовленного къ ней. Я упалъ среди ея кипучихъ волнъ, сначала мягко разступившихся, а потомъ зловѣще сомкнувшихъ надо мною свои холодные тяжелые обѣятія... По профессии — я свободный художникъ, актеръ. Я жарко отдавался любимому дѣлу, привязывался къ нему всѣми нитями своей пылкой, воспріимчивой натуры, но въ нынѣшнее время, — время упадка искусства и поклоненія инымъ богамъ и идеаламъ, мой трудъ не всегда встрѣчаетъ себѣ примѣненіе, и нерѣдко приходится зачисляться въ отряды бозработныхъ, огромные, ростущіе, какъ морскія волны, отряды мрачныхъ, угрюмыхъ людей. Были дни, — ихъ не счастье, — когда я питался, точно птица небесная, — буквально крупицами пищи. Я заложилъ и продалъ все, что могъ, и облегчилъ свой ба-гажъ до размѣровъ солежимаго Діогено-вой бочки... Но Діогенъ, кажется, не платилъ за свою квартиру, а моя, какова бы она ни была, подлежала оплатѣ, и величайшимъ ужасомъ моимъ являлась невозможность аккуратно платить за сырую, мрачную комнату съ окнами, выходящими въ грязный полуизгнившій деревянный заборъ, за которымъ, казалось, умерла всякая жизнь. По стѣнамъ струилась зеленоватая промозглая сырость, отъ которой вѣчно болѣтъ голова и горло, и туманились мысли. Я глупѣлъ отъ тяжелой атмосферы этого жилища, моей "студіи художника", какъ я єдко самъ называлъ свое палаццо. Послѣ квартирного вопроса, самымъ большимъ являлся вопросъ о сохраненіи обуви, которая какъ-то непостижимо быстро дырявилась на острыхъ камняхъ Х-ской мѣстовой. Почти четыре мѣсяца я, точно злой духъ, смущалъ своимъ унылымъ видомъ обывателей нѣсколькихъ городовъ, гдѣ я искалъ работы, но подъ конецъ я поселился въ Х., и мое блѣдное лицо съ горящимъ взглядомъ попадалось ежедневно то одному, то другому изъ обывателей. Я отъ природы физически не силенъ, и поэтому нечего и говорить, что предлагать свой

Менеликъ, негусъ Абиссиніи.
Его послѣдній портретъ.

трудъ въ примѣненіи къ грубой мускульной силѣ я не рѣшался; я зналъ, что меня забракуютъ на первыхъ же порахъ, и долго ломалъ голову надъ способомъ не умереть съ голода Случайно въ Х. я встрѣтилъ товариша по злостной судьбѣ. Это былъ юноша, уже пять мѣсяцевъ тщетно искашившій ангажемента и, не имѣя протекціи, изображавшій собою безумца, толокшаго воду въ ступѣ. Общность интересовъ сблизила насъ, и я предложилъ ему продавленный диванъ въ своей комнатѣ, изъ котораго безстыдно ползла мечта, а злоумышленницы — пружины дѣвали его похожимъ на одно изъ орудій пытокъ временъ Малюты Скуратова или испанской инквизиціи. У Б-ва, такъ звали товарища, было нѣсколько незаложенныхъ еще въ ломбардѣ бездѣлокъ, жалкихъ сувенировъ, подносимыхъ артисту гимназистками поклонницами. Мы ихъ съ разумной экономіей пустили въ оборотъ, и наше меню, состоявшее изъ чая и селедки, стало разнообразиться то тарелкой борща въ дешевой столовой, то полу-зеленымъ арбузомъ, то французской булкой къ чаю... Съ утра до вечера мы бѣгали въ поискахъ труда и на всѣ объявленія, приглашавшія то писцовъ, то конторщиковъ, являлись или слишкомъ поздно, или же ухомъ, не солено хлебавши, потому что наши блѣдныя бритыя лица, кажется, не внушили довѣрія... За 4 мѣсяца двѣ прѣїзжія гастрольныхъ труппъ дали намъ небольшой заработка на ра-

зовыжъ, потомъ снова наступили дни бездѣствія и печали. Иногда мы весь день лежали на своихъ одрахъ страданія, — моя кровать была едва ли лучше дивана, — предаваясь благочестивымъ размышеніямъ о суетѣ всего земного. Намъ, обоимъ вмѣстѣ, было сорокъ съ небольшимъ, и наша печальная философія всегда сводилась къ мельканію какой-то розовой точки въ туманной перспективѣ. Мы были молоды и на что то надѣялись.

II.

Б—въ пришелъ однажды съ какой-то сконфуженной миной, силясь скрыть сверкавшія въ его глазахъ искры радости. Оказалось, что его хлопоты привели къ желанному результату, и онъ получилъ ангажементъ въ гастролирующую труппу; я искренно поздравилъ его, но — зачѣмъ скрывать, — ощутилъ жгучую зависть къ счастью пріятеля и внутренне пожелалъ обмѣняться съ нимъ ролями. Б—въ принесъ авансъ и великодушно предложилъ мнѣ часть его взаимы. Я безъ колебанія согласился, такъ какъ какое же могло быть колебаніе въ моемъ положеніи? Я хочу быть правдивымъ до конца и долженъ добавить, что сумму займа я, даже, насколько умѣлъ дипломатично, — увеличилъ. На другой день я оплакалъ пражъ нашей дружбы и проводилъ друга на вокзалъ. Мы разстались. Я остался одинъ съ моими надеждами, съ моими силами и порывами; я сравнивалъ себя со львомъ въ клѣткѣ, и это сравненіе меня тѣшило. Однажды я встрѣтилъ на улицѣ актруса, съ которой начиналь нѣсколько лѣтъ тому назадъ свою карьеру. Былъ сырой дождливый день начинаящейся осени. Бѣдняжка въ легкой лѣтней блузѣ и соломенной шляпкѣ выглядѣла очень печально. На худенькія руки она натягивала сплюзившія вышивѣтшія митенки и ежиласъ отъ холоднаго, пронизывающаго до костей тумана..

— Людмила Алексѣевна, вы? обрадовался я, бросаясь ей навстрѣчу.

— А, голубчикъ, здравствуйте!

Она закашляла и сквѣтилась рукою за грудь.

— Ахъ, проклятая простуда!

— Но вы такъ легко одѣты!...

Она грустно посмотрѣла на меня глубокими, утомленными глазами.

— Легко! больше надѣть нечего: все заложено! Эхъ, что говорить!

Она досадливо махнула рукой, и въ углахъ рта залегла складка горечи.

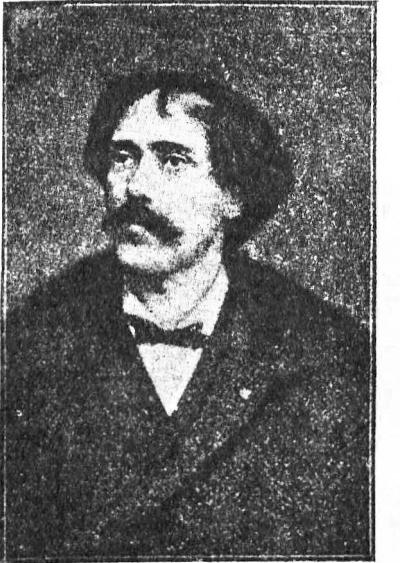
— Другъ мой, не сердитесь, я, право, отъ всего сердца...

— Вѣрю, родной мой, вѣрю. Но что же мы стоимъ на вѣтру? я живу тутъ рядомъ, зайдемте! вы не заняты?

— Я уже четыре мѣсяца не занять.

— Бѣдненький! Гдѣ служили?

— Въ Б. Дѣло лопнуло черезъ мѣсяцъ. Едва добрался до Х. Думалъ уст-

Пабло де-Сарасате,
известный скрипачъ-и-ргуозъ. Скончался 10 сентября. Некрологъ № 9481
«Юж. Кр.» от 13 сентября.

Салларъ-Салтане,
старший брат шаха, находящийся въ
загороднѣй.

Сатаръ-Ханъ,
вождь конституционалистовъ.

Графъ В. В. Стенбокъ-Ферморъ,
вновь избранный членомъ Государственной Думы, отъ землевладельца Херсонской губерніи.

Принцъ Шоа Эсъ-Салтане,
братья шаха, сторонникъ конституции.
Бѣжалъ въ Турцию и принялъ тамъ
турецкое подданство.

Наги-Баба.
Дервишъ, проповѣдующій священную войну
противъ конституціи и конституционалистовъ.

Засѣданіе дервишей-реакціонеровъ,
въ ихъ штабъ-квартирѣ-домѣ Шейхъ-Фазуллы.

Кочевники-бахтиары,
охраняющіе шахскій лагерь.

согрѣвалъ, и мы пили его, не вдаваясь въ разсужденія, какого онъ качествъ... За окномъ, по крыше курятника, застучали капли дождя. Въ комнатѣ сразу потемнѣло, и тихая, но гнетущая тоска овладѣла нами.

—

Безработные! тихо уронила Людмила Алексѣевна, задумчиво барабаня пальцами по столу. Какъ-то судьба насть устроила?

— Богъ вѣсть! Надо надѣяться...

— Надѣяться! Вотъ, пока съ вами, говорю, пью вотъ эту микстуру, мнѣ еще ничего, не страшно, а стоитъ остаться одной, особенно ночью, когда не спится, да еще кашель этотъ прохладный дони-

маетъ,—голубчикъ, какія муки родятся въ душѣ! Кажется, не вынести ихъ, если...

Она не докончила, но я съ полуслова понялъ: если эта безработица затянется, и праздный умъ будетъ рисовать образы, —одинъ ужаснѣе и безотраднѣе другого!.. Разказала ей про Б.—ва. Она, молча, выслушала меня и, вздохнувъ, проговорила:

— Да, товарищъ—великое дѣло! вонъ, Миша мой, бѣдняжка, измучилъ меня, истерзалъ всю, а умеръ, и я, украдкой, провелъ концами пальцевъ по глазамъ.

Дождь усиливался и скоро перешелъ въ ливень.

родиться, да не тутъ тобыло! Ни связей, ни знакомства.

— Плохъ наше дѣло! А я, знаете, Мишу похоронила. Помните, онъ все хоронилъ, ну, а теперь не перенесъ послѣдняго припадка... Она поднесла къ глазамъ платокъ, и по щекамъ ея побѣжали слезы.

Я вспомнилъ ея мужа,资料 которого видѣлъ прошлой зимой, въ послѣднихъ градусахъ чахотки, въ соединеніи съ эпилепсией. Онъ измучилъ несчастную женщину и, кажется, передалъ ей зародыши недуга. Я смотрѣлъ на эту худенькую, полудѣскую фигуруку, и сердце зашемило тоска сочувствія и жалости.

Огромные глубокіе глаза выражали беззну страданія. Хрупкая фигурка, согнувшись на свое табуретѣ, вызывала такое горячее сочувствіе, что въ сердцѣ у меня что-то зашемило, и я, украдкой, провелъ концами пальцевъ по глазамъ.

Дождь усиливался и скоро перешелъ въ ливень.

Людмила Алексѣевна зябко куталась въ свой платокъ и глухо кашляла. День уходилъ, унося съ собою пережитыя горести, заботы и блѣдныя радости, а наступавшій вечеръ былъ такъ тоскливы и безнадежно-унылы...

Н. Лашкова-Вербинская.

СМѢСЬ.

Музей крестовыхъ походовъ.

Шестой крестовый походъ окончился, какъ известно, поражениемъ Людовика IX при Мансурѣ (Mansurah), въ Нижнемъ Египтѣ. Разбитый мамелоками на голову въ 1250 г., набожный Людовикъ IX попалъ въ пленъ и былъ посаженъ въ темницу, откуда освободился только по уплатѣ выкупа въ 100,000 серебренниковъ. Зданіе, служившее ему тюрьмой,—прекрасно сохранившуюсь въ Мансурѣ старинную мечеть Эль-Монафикъ—предположено нынѣ обратить въ специальный музей, где будутъ собраны различные предметы, относящіеся къ французскимъ крестовымъ походамъ, и документы. Для выполнения этого плана въ Парижѣ образованъ уже комитетъ, вступившій въ переговоры съ египетскимъ правительствомъ о выкупѣ мечети, служившей никогда тюрьмою французскому королю.

Новый всемирный языкъ.

Подъ звуки торжественныхъ рѣчей, которыми праздновали свой конгрессъ въ Дрезденѣ, эсперантисты, народился новый международный языкъ. Изобрѣтатель его—проф. Болеславъ Гаевскій, который прочиталъ въ Парижѣ передъ аудиторіей, состоявшей—увы, всего изъ шести человѣкъ, лекцію о своемъ новомъ языкѣ, названномъ имъ „Сольсеродъ“. Языкъ имѣть всего 2660 словъ. Основой его служить семь музыкальныхъ обозначеній: до, ре, ми, фа, соль, ла, си. Изъ нихъ-то и составляются все слова. Напримеръ, фраза „у непрѣтѣла много солдатъ“ передаетъся на языке проф. Гаевскаго такъ: „сидоми фамисолъ фамифаре фаси“. Особенность нового музыкального языка заклю-

Кіаміль-паша, Шейхъ-Уль-Ісламъ
великій візирь. Джемалледінъ-еф-
фенди.

Теффікъ-паша,
міністръ іно-
странихъ дѣлъ.

Зіа паша,
міністръ фінан-
совъ.

Галидъ-паша,
верховный цере-
моній майстеръ.

Габріель-Еффенди,

Хаккі бей,
міністръ обще-
ственныхъ роботъ.

Риза-паша,
воен. міністръ.

Нынѣшніе государственные дѣятели Турціи.

чается въ томъ, что слова его могутъ быть переданы не только буквами, но и нотами. Другая особенность,—что семь основныхъ звуковъ удобно поддаются обозначенію семью цвѣтами радуги, такъ что ночью цѣляя фразы нового языка могутъ передаваться цвѣтыми сигналами. Что скажутъ теперь волапюисты и эсперантисты?

Убиваєтъ ли електричество?

Американскія газеты рассказываютъ о слѣдующемъ необыкновенномъ случаѣ. Рабочій електрическаго трамвая, Бранда, здоровый, хорошо сложенный человѣкъ, 27 лѣтъ, работая на линіи, попалъ подъ соединеніе силою въ 2,400 вольтъ. Находившіеся по близости ужаснулись, видя, какъ несчастного стало корчить, какъ волосы его стали дыбомъ, а глаза налились кровью. Помочь ему не представлялось никакой возможности, такъ какъ всякий, пытавшійся вырвать несчастного изъ рокового мѣста, подвергался той-же участіи. Наконецъ, Бранду отбросило на мостовую почти безъ признаковъ жизни. На всякий случай позвали врача изъ ближайшаго госпиталя. Врачъ попался молодой, энергичный. Онъ былъ съ рабочимъ три часа, стараясь вызвать искусственное дыханіе, и, наконецъ, добился успѣха: Бранда открылъ глаза. Къ вечеру онъ могъ-бы уже двигаться, но этому отчасти мѣшили обожженныя ноги. Случай этотъ произвелъ въ Нью-Йоркѣ большое впечатлѣніе. Д-ръ Джубонъ давно уже доказываетъ, что електричество, которымъ, какъ известно, казнить въ Америкѣ преступниковъ, не убиваетъ, что убиваетъ ихъ совершающее вслѣдъ затѣмъ вскрытие. Другими словами—продѣлывается величайшее варварство,—рѣжутъ живого человѣка.

Описанный случай заставилъ заняться серьезно вопросомъ о казни електричествомъ и, вѣроятно, отмѣнить ее.

Изъ альбома театральныхъ анекдотовъ.

Директоръ Гедеоновъ I былъ ужасный крикунъ и любилъ распекать. Вызовѣть виноватаго къ себѣ, выйдетъ, накинется, накричитъ, натопочеть, выгонитъ вонъ и забудетъ.

Развлечениe пассажировъ на большихъ пароходахъ, совершающихъ рейсы черезъ Тихій океанъ.

Лѣтнія путешествія черезъ Великій океанъ утомительны вслѣдствіе тропической жары; чтобы освѣжиться, пассажиры купаются въ пути. На верхней палубѣ для купанья устроены бассейны, и въ немъ въ опредѣленные часы купаются дамы или мужчины. Въ дамскіе часы масса любопытныхъ толпится вокругъ бассейна.

Разъ онъ вызвалъ актера Радина, который въ чёмъ-то послушался режиссера Куликова. Радинъ опоздалъ къ назначенному часу. Такъ какъ Радинъ былъ „маленькой“ актеръ, то Гедеоновъ не зналъ его въ лицо и, выйдя въ пріемную и увидавъ какого-то человѣка, вдругъ закричалъ:

— Ты не слушаешься... а... ты не слушаешься... приказаній не исполняешь... Подъ арестъ, въ трубную на недѣлю, въ солдаты въ двадцать четыре часа...

— Позвольте, ваше превосходительство...

— Молчать... Позвольте... Ну, что тебѣ позволить?

— Позвольте мнѣ узнать, гдѣ я могу получить абонементъ на итальянскую опе...

— На какую оперу?..

— Я-же говорю, на итальянскую...

— Постойте, вы актеръ Радинъ?

— Нѣтъ, я чиновникъ по особымъ порученіямъ при г. министрѣ финансовъ...

Гедеоновъ однако не потерялся и сказалъ:

— Такъ вы не сюда, это надо внизъ, въ контору...

— А тамъ меня такъ не примутъ?

— Нѣтъ, тамъ вѣжливѣе,—отрѣзалъ Гедеоновъ и ушелъ...

Когда онъ вышелъ въ пріемную вторично, тамъ ни живъ, ни мертвъ стоялъ Радинъ.

— Ты Радинъ?

— Такъ точно, ваше пр-во...

— Ну, хорошо... я гибъ уже сорвалъ... Ступай, да слушайся, пожалуйста, режиссера.

Покойный извѣстный актеръ А. А. Разказовъ говорилъ мнѣ о жалованье Стрепетовой въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

„Пріѣзжаю я въ Рыбинскъ и смотрю водевиль: „Средство выгонять воловъ.“

Пьеска идетъ такъ себѣ, но роль Лизы горничной выдѣляется.

Маленькая бойконькая актриса такъ, „докладываетъ,“ что просто чудесно.

Спрашиваю антрепренера Смирнова, который сидѣлъ около меня: „кто это играетъ?“

— Стрепетова... такъ держу, потому что мать и тетка служатъ.

— Она даровитая. ...

— Даже очень.

— Много получаетъ?

— И не спрашивайте, такъ заломила, что ужасъ.

— Сколько-же?

— Десять рублей въ мѣсяцъ заломила, едва на семь согласилась.

Вотъ какое получала жалованье въ шестидесятыхъ годахъ покойная Полина Антильевна Стрепетова.